

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 340.13

Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации

М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, 34

Для цитирования: Залоило, Максим В., Пашенцев, Дмитрий А. 2019. «Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>

В статье проанализировано влияние цифровизации на национальный правовой порядок России. Среди основных направлений такого влияния авторы выделяют расширение границ правового регулирования за счет виртуального пространства, увеличение востребованности более гибких по сравнению с существующими правовыми форм и регуляторных механизмов, повышение роли информационной функции права. Подчеркивается сконструированный характер правового порядка, под которым понимается постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых норм. Эти действия должны осуществляться непрерывно, они имеют изменчивый характер, в силу чего и правовой порядок является постоянно трансформируемой сущностью, его параметры все время модифицируются. В связи с этим отмечается важность исследования воздействия цифровизации на менталитет и правосознание субъекта права. Цифровая реальность меняет менталитет субъекта права, его правосознание, а следовательно, и характер деятельности, связанной с реализацией правовых норм. Массовое поведение субъектов права при реализации правовых норм в условиях цифровой реальности существенным образом отличается от поведения субъектов права в иных условиях. Под воздействием цифровизации правовой порядок частично перемещается в виртуальное пространство, что осложняет контроль государства за правовыми коммуникациями. В этих условиях обычных правовых регуляторов может оказаться недостаточно для поддержания правового порядка. По мнению авторов, под воздействием цифровизации в национальном правовом порядке России будет утрачено типичное для него доминирование публичного права над частным, а также изменятся соотношение и роль процессуального и материального права. Сделан вывод о возможном возникновении такого явления, как индивидуальный правовой порядок.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Ключевые слова: правопорядок, цифровизация, цифровые технологии, правовое регулирование, субъект права, цифровой закон.

1. Введение. В современных условиях цифровизация, под которой понимается объективный процесс стремительного проникновения цифровых технологий во все сферы жизни общества, прежде всего в экономическую сферу, формирует новую, цифровую реальность. Особенности этой реальности определяются такими тенденциями, как стремительное возрастание объемов информации, появление и активное развитие новых способов и форм передачи этой информации, внедрение в производственную сферу и информационную среду искусственного интеллекта и т. д. Под воздействием цифровых технологий меняется правовая сфера общества. По мнению ученых, в результате воздействия процессов цифровизации может поменяться сам образ права, его регулятивная роль, границы и пределы действия права (Хабриева 2018, 15). Все это неминуемо скажется на существующей модели правопорядка, которая в недалеком будущем способна принять иные, чем сегодня, и еще не известные юридической науке и практике формы. Поэтому важная задача современной юриспруденции — исследование того влияния, которое цифровизация оказывает на правопорядок, и прогнозирование основных направлений его перспективного развития.

Решение указанной задачи представляется затруднительным в условиях использования старой, классической научной методологии, так как она далеко не всегда способна отразить происходящие в современном обществе процессы. Более перспективным представляется использование методов современной постклассической (постнеклассической) науки. Такая методология предполагает рассматривать человека в качестве центра и неотъемлемого компонента любой исследуемой системы (Степин 2003, 636). Применительно к юриспруденции это означает, что первое место в исследовательской программе занимает *антропоцентризм* как направление современной социологической теории права. Антропоцентризм видит в правовой реальности конструкт, который создается повседневными действиями субъекта права. В результате право понимается уже не как система норм, а как постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых предписаний, воплощению их в жизнь. Знаковая форма, в которой изначально выражено право, получает отражение в правосознании субъекта, а затем реализуется в его действиях (Честнов 2012, 105). В результате именно от субъекта права зависит эффективность воздействия права на общественные отношения. Это вносит в содержание правопорядка субъективные и иррациональные начала, элементы неопределенности и контекстуальности, а также означает, что воздействие современных процессов цифровизации на правопорядок, как и на всю правовую сферу общества, происходит прежде всего в результате их влияния на психику и правосознание субъекта права.

Второе перспективное для исследования современного правопорядка научное направление — *конструктивизм*. Право с позиций конструктивизма представляет собой искусственно создаваемый конструкт. Правопорядок как явление правовой реальности также конструируется действиями субъектов права, которые повседневно реализуют соответствующие правовые нормы.

2. Основное исследование. Воздействие цифровизации на национальный правопорядок определяется, во-первых, сущностью самого правопорядка, во-вторых, особенностями влияния цифровизации на общественные отношения в целом.

Понятие правопорядка достаточно подробно исследовано отечественными и зарубежными учеными, в частности занимает одно из центральных мест в учении о праве Ганса Кельзена. В советской теории права правопорядок обычно трактовался как состояние упорядоченности, урегулированности общественных отношений на основе права (Алексеев 1985, 307). Нередко правопорядок рассматривался в неразрывной взаимосвязи с законностью, которая понималась как важнейшее свойство правопорядка (Борисов 1977, 360).

В классической юридической науке сложилось общее понимание правопорядка как некоего состояния, связанного с упорядоченностью общественных отношений на основе права. Это состояние рассматривается как результат четкой и неукоснительной реализации правовых норм. Такая модель правопорядка, по мнению современных ученых, сегодня выглядит слишком идеальной и существенно отличается от реальной жизни социума (Сауляк 2009, 52). Кроме того, она не соответствует научным представлениям и принципам постклассической юридической методологии.

Правапорядок, если рассматривать его с современных методологических позиций, представляет собой не состояние общественных отношений, так как для них характерна постоянная динамика, не результат деятельности государства и общества, а саму эту деятельность. Правапорядок — это постоянная, непрерывная деятельность субъектов права, которая направлена на реализацию правовых норм. По словам И. Л. Честнова, «субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность» (Честнов 2009, 55). Эти действия должны осуществляться постоянно, они имеют изменчивый характер, в силу чего и правапорядок является постоянно изменяемой сущностью, его параметры все время меняются.

Для правапорядка в его современном понимании характерны такие свойства, как постоянная воспроизводимость и изменчивость, т. е. не статика, а динамика. Правапорядок сегодня и правапорядок завтра — это два различных правапорядка, что вытекает из постоянного характера действий субъектов права при реализации правовых норм.

Понимание национального правапорядка как определенной модели, которая существует в рамках границ конкретного государства, опирается на идею о сконструированном характере правапорядка. Конструирование правапорядка представляет собой сложную деятельность, которую осуществляет как государство в контексте реализации определенной правовой политики, так и все субъекты права, своими повседневными действиями воплощающие в реальность предписания правовых норм (Ильина, Дорская, Дорский 2018, 476).

Важнейшую роль в конструировании правапорядка играют следующие факторы: система определенных правовых ценностей, устанавливаемых и поддерживаемых государством и обществом; существующая национальная правовая традиция с присущими ей специфическими правовыми механизмами; национальный менталитет; господствующая религия или отсутствие таковой (Дорская 2018). Можно говорить о том, что единая универсальная модель правапорядка, которая подходила

бы для любого общества, отсутствует; правопорядок национален и в значительной мере ситуативен.

Понимание правопорядка как постоянной деятельности, осуществляемой субъектами права, определяет значимость того воздействия, которое современная цифровая реальность оказывает на субъект права. Эта реальность меняет менталитет субъекта права, его правосознание, а следовательно, и характер деятельности, связанной с реализацией правовых норм. Массовое поведение субъектов права в условиях цифровой реальности существенным образом отличается от их поведения в иных условиях. Субъекты права действуют теперь не только в обычной, но и в виртуальной реальности. Кроме того, постоянное использование цифровых технологий меняет сам стиль мышления людей, все большая часть из них приобретает так называемое клиповое сознание, которое неизбежно отражается на стиле и характере принятия решений в правовой сфере (Миронов 2017, 36).

Правопорядок имеет сконструированный характер, и цифровая реальность определяет главный вектор такого конструирования, а также задает его формы и методы. Таким образом, современная научная методология предоставляет богатые возможности для того, чтобы исследовать на новом уровне ключевые аспекты, связанные с понятием и сущностью правопорядка. Динамика национального правопорядка во многом определяется тем общим влиянием, которое процессы цифровизации оказывают на развитие общественных отношений.

Воздействие процессов цифровизации на правопорядок определяется следующими *факторами*, вытекающими из содержательного воздействия цифровых технологий на правовую среду общества.

Во-первых, как было сказано выше, под воздействием цифровизации меняется менталитет субъекта права. Это относится как к образу его мышления, которое в условиях повседневного использования цифровых технологий все больше становится клиповым, так и к системе господствующих ценностей. Обостряется вопрос о правовом воспитании, которое теперь должно осуществляться в новых формах, более доступных для людей с таким мышлением, и использовать новые цифровые технологии.

Во-вторых, правопорядок частично перемещается в виртуальное пространство, что осложняет контроль государства за правовыми коммуникациями. В таких условиях обычных правовых регуляторов может оказаться недостаточно для его поддержания. Для регулирования отношений в виртуальном пространстве закон уже не является достаточно эффективным средством, его роль снижается. С помощью одного только закона становится невозможно контролировать и направлять поведение людей в виртуальном пространстве, требуются другие, более эффективные механизмы (Reed 2012, 8).

В-третьих, преступность, представляющая собой серьезный вызов правопорядку, приобретает новые формы. Преступники активно используют цифровые технологии, все чаще осуществляют общественно вредные действия в виртуальном пространстве, пользуются отстающим характером правового регулирования, для того чтобы избежать ответственности. Требуются новые формы и методы борьбы с преступностью, которые должны опираться на использование современных цифровых технологий, а также требуют создания нового и более гибкого правового механизма.

В-четвертых, цифровизация порождает проблему доступности права. Цифровые технологии позволяют быстро получить практически весь объем требуемой правовой информации, но вместе с тем их использование может приводить к так называемому цифровому разрыву, когда люди, не имеющие доступа к Интернету либо не умеющие его использовать, оказываются ущемленными в своем праве на информацию.

В-пятых, под влиянием цифровизации процессы в обществе многократно ускоряются. Появляются все новые группы отношений, в том числе складывающихся в виртуальном пространстве, в результате правотворчество все больше отстает от темпов общественного развития, что создает сферы, выпадающие из правового регулирования, т.е. оказывающиеся вне правового порядка. Кроме того, такое ускорение приводит к возрастанию социального неравенства, в значительной мере вследствие цифрового разрыва. В свою очередь, социальное неравенство априори несет в себе угрозу правовому порядку, провоцирует рост числа правонарушений, усиливает правовой нигилизм в обществе. Предотвращение таких негативных явлений требует активизации усилий по обеспечению равного и недискриминационного доступа к современным цифровым технологиям всех категорий граждан независимо от их социального статуса и места проживания. Правительство России уже проводит работу в этом направлении.

Огромное значение для национального правового порядка имеет юридическая сфера общества, которая в условиях цифровизации подвергается существенным *трансформациям*. Происходящие в этой сфере изменения можно назвать революционными.

Во-первых, уже появились и приступили к работе роботы-юристы, которые вполне справляются с текущими задачами по составлению исков, писем, заявлений. Это позволило ряду крупных организаций, например Сбербанку, произвести серьезные сокращения в своих юридических отделах. Ожидается появление роботов-судей, а также частичная роботизация всего судебного процесса, начиная с автоматического ведения протоколов судебного заседания. Видимо, профессия юриста в недалеком будущем серьезно трансформируется, что неизбежно повлияет и на национальную модель правового порядка.

Во-вторых, юридическая деятельность все шире проникает в виртуальную среду и приобретает новые формы. Например, распространяется такое ранее неизвестное действие, как обеспечение нотариусами доказательств в сети Интернет. За последние пять лет количество подобных действий выросло более чем в два раза. Осуществляя этот вид деятельности, нотариусы способствуют укреплению правового порядка в условиях развития цифровых технологий: они могут зафиксировать факт оскорбления в Интернете (троллинга, клеветы, иных нарушений прав личности), обеспечить защиту прав несовершеннолетних, выявляя и удостоверяя факт втягивания их в различные деструктивные группы и сообщества (Бегичев 2018, 11).

В-третьих, складывающиеся в цифровом обществе отношения настолько отличаются от ранее существовавшей системы социальных коммуникаций, что закономерно требуют изменения подходов к их правовому регулированию (речь идет прежде всего об источниках права как той форме, в которой выражаются и доводятся до адресатов правовые нормы).

Вопрос об источниках права в цифровом обществе особенно интересен в контексте темы нашего исследования в связи со следующими обстоятельствами:

- 1) система источников права имеет национальный характер и отражает специфику правовой деятельности в конкретном государстве;
- 2) иерархия источников права во многом определяет особенности национального правопорядка;
- 3) источники права являются средством информирования участников общественных отношений о тех моделях поведения, которые характерны для национального правопорядка; таким образом, их содержание может в некоторой степени предопределять характер действий субъектов права при реализации правовых норм.

Сегодня, когда под воздействием современных цифровых технологий часть общественных отношений перемещается в виртуальное пространство, поддержание правопорядка требует новых, более гибких и адаптированных к новым обстоятельствам регуляторов. В связи с этим традиционно высокая роль закона в системе источников российского права может выступать фактором, тормозящим развитие новых отношений в цифровой среде. Ученые отмечают, что в условиях цифровизации господство законов снижает эффективность правового регулирования. Предмет регулирования может изменяться так оперативно, что закон в силу своей природы и порядка принятия просто не в состоянии успеть за этими процессами из-за сложностей их оперативного изменения в случае трансформации предмета регулирования (Хабриева 2018, 8).

Под воздействием цифровизации закон будет вынужден существенно трансформироваться, после чего, вероятно, он уже не будет тем законом, к которому привыкло общество, — стабильным регулятором, незыблемой основой национального правопорядка.

По мнению Д. Хоуса, нужно перестать рассматривать закон как ограниченный текст; скорее он является «системой доставки информации» (Howes 2001, 49). В таком понимании в будущем закон приобретет гораздо более диспозитивный характер и предложит субъектам права не один, а ряд альтернативных сценариев. Из этих сценариев субъекты права смогут выбирать нужный, в силу чего правоприменение будет более индивидуализированным. Сам закон станет руководством к действию, изменятся его природа и назначение. Такая индивидуализация правового регулирования позволяет поставить вопрос об индивидуальном правопорядке, который может прийти на смену правопорядку национальному. Однако для появления модели такого правопорядка изменения одной только формы закона, пусть и столь радикального, явно недостаточно.

Утрата законом ведущей роли в регулировании отношений в условиях цифровизации представляется лишь частным случаем более глобальной проблемы: право в том виде, в котором оно существует сегодня, в ряде случаев уже оказывается неэффективным. В пользу этой точки зрения говорят появление и активное развитие таких механизмов, которые не предусмотрены действующими правовыми нормами, фактически не попадают в сферу правового регулирования, но позволяют участникам экономических отношений успешно взаимодействовать в виртуальном пространстве. Речь идет об альтернативных способах совершения сделок,

в том числе с использованием биткойна как новой валюты, возникшей вне правовых рамок, а также блокчейна как новой уникальной технологии. Эти новые способы позволяют снижать «риски коррупции, недобросовестного использования административных ресурсов и коллизий правовых норм» (Иванов и др. 2017, 20).

Если сегодня для нас остается привычной традиционная бумажная форма закона, то в перспективе закон получит новую цифровую форму. Реализация такого цифрового закона потребует более гибких механизмов, основанных на элементах саморегуляции и самостоятельном выборе субъектами отношений арбитров. Первые попытки создания подобных механизмов уже осуществляются. Они представлены, в частности, технологией заключения смарт-контрактов на основе использования технологии блокчейн. Пока такой механизм разрешения споров только апробируется и обладает рядом недостатков, в том числе правовых. Но не исключено, что будущее в вопросах разрешения споров и урегулирования конфликтов принадлежит именно таким механизмам.

Появление механизмов разрешения споров, возникающих вне права и не в результате применения права, заставляет задуматься об изменении не только формы, но и роли права. Эти процессы представляются взаимосвязанными. Не исключено, что в будущем вполне может возникнуть какой-либо новый социальный регулятор, помимо права, более гибкий, способный быстро адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям. Таковым может стать и само право, если оно окажется способным изменить ряд своих характеристик (Хабриева 2018, 15).

Важнейшей функцией права в условиях цифровизации становится информационная функция. Цифровые технологии изменяют само значение и даже сущность информации, которая в новых условиях приобретает самостоятельную ценность. Смысл правового воздействия на общественные отношения все больше сводится к возможности осуществления коммуникации с целью передачи информации правового характера. Правопорядок в такой ситуации зависит прежде всего от эффективности использования каналов передачи информации субъектам права. Именно информация приобретает характер связующего звена между членами общества. В цифровом обществе изменения происходят стремительно, динамика правопорядка возрастает, любой текст правового акта устаревает уже в момент его принятия. В итоге центр тяжести в правовом регулировании смещается с текста правового акта, который фактически утрачивает самостоятельную ценность, на возможность динамичного разрешения возникающих конфликтов (Howes 2001, 50). Главной ценностью, способствующей поддержанию правопорядка, становится эффективный механизм разрешения споров. В итоге процессуальные нормы приобретают гораздо большую значимость, чем нормы материальные. Процесс правотворчества сливается в единое целое с процессом правоприменения, их становится сложно отделить друг от друга. Применяя право, субъект тем самым создает его. Роль законодателя ограничивается установлением общих принципов правового регулирования, суд как главный правоприменитель даже в условиях отсутствия прецедентного права получает правотворческие функции. В итоге традиционная схема разделения властей на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную) может утратить принципиальный характер.

Пока мы наблюдаем, что под воздействием цифровых технологий в праве происходят процессы, которые как непосредственным, так и опосредованным обра-

зом отражаются на правопорядке и его динамике. Прежде всего цифровизация ставит перед правом новые задачи. Они определяются тенденциями расширения как субъектного состава права, так и сферы действия права.

Процессы цифровизации приводят к появлению новых, цифровых сущностей, играющих все более заметную роль в цифровых отношениях. Соответственно, возникает вопрос о возможной правосубъектности этих сущностей. В частности, уже предлагался законопроект о наделении правосубъектностью официально зарегистрированных роботов-агентов. Он был отклонен, но сам факт наличия такого законопроекта свидетельствует о соответствующей тенденции. Помимо роботов, в общественных отношениях появляются новые виды участников, которые с современных правовых позиций представляются нетипичными (Хабриева и Черногор 2018, 94). Речь идет о блогерах, провайдерах, информационных посредниках и т. д. Статус их еще не урегулирован в достаточной степени, что может негативно сказываться на правопорядке. Также потребует регулирования вопрос о так называемой цифровой личности.

Как уже было сказано, общественные отношения в условиях цифровизации активно развиваются в виртуальном пространстве и часть субъектов права участвует в конструировании правопорядка, реализуя нормы права за пределами привычного, реального пространства. Тем самым действие права расширяется на те отношения, которые складываются в сети Интернет и обладают существенными особенностями. В силу этих особенностей часть данных отношений остается вне правового регулирования. В других случаях правовое регулирование есть, но оно полностью неэффективно. Характерным примером стала неудачная попытка государства заблокировать мессенджер *Telegram*. Перед государством возникает выбор: либо ограничивать доступ граждан в виртуальное пространство, устанавливая цензуру в Интернете (как в Китае и Северной Корее), либо рассчитывать на эффективность механизмов саморегулирования отношений в виртуальной среде. Существует мнение, что реальный контроль отношений в киберпространстве невозможен, в связи с чем главную роль в процессе конструирования правопорядка играет не регулирование отношений в виртуальной среде с помощью правовых норм, а воспитательное воздействие на субъектов этих отношений (Reed 2012, 240), в том числе с помощью самих цифровых технологий.

Вопрос о гибкости регулирования отношений в виртуальном пространстве заставляет обратиться к понятию «криминализация». Криминализация — один из инструментов, с помощью которых государство конструирует преступность как часть социальной реальности (Hulsman 1986, 80). Учитывая, что изначально заданных и единых критериев преступности не существует, поведение, признаваемое преступным, может иметь совершенно противоположный смысл (Black 1983, 34). Поведение в виртуальном пространстве, которое в некоторых случаях кажется общественно опасным с точки зрения традиционных подходов, в реальности может таковым и не являться. Более того, излишняя жесткость в вопросах криминализации деяний в сфере цифровой экономики может противоречить интересам ее развития. Вместе с тем недооценка опасности таких деяний также представляет угрозу для национального правопорядка. Запаздывающий характер криминализации деяний в виртуальной среде может наносить серьезный вред обществу и подрывать основы правопорядка. Таким образом, интересы правопорядка требуют четкой

и сбалансированной политики государства в сфере криминализации деяний, совершаемых участниками отношений в цифровой экономике.

Понимание перспектив динамики национального правопорядка России в условиях цифровизации может опираться на анализ тех программных и нормативных актов, которые уже приняты в нашей стране. Они отражают государственную политику, показывают степень осознания государством имеющихся в этой сфере проблем и содержат определенный прогноз развития общественных отношений под влиянием цифровых технологий.

К актам, которые определили основные направления правового регулирования в условиях цифровизации, относятся, в частности, Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»¹ и Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”». Эти документы направлены на создание новой регуляторной среды, которая должна обеспечить более благоприятный правовой режим для разработки и внедрения новых цифровых технологий, а также для осуществления связанной с их использованием деятельности в экономической сфере. К числу ключевых институтов, которые призваны обеспечить успешное развитие цифровой экономики, отнесено нормативное регулирование.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» характеризует основные направления нормативного регулирования в новых условиях. К ним Правительство РФ относит:

- снятие ключевых правовых ограничений в развитии цифровой экономики;
- создание отдельных правовых институтов, направленных на решение первоочередных задач формирования цифровой экономики;
- формирование комплексного законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики;
- принятие мер, направленных на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий, сбором и использованием данных;
- формирование политики по гармонизации подходов к нормативному правовому регулированию цифровой экономики на территории Евразийского экономического союза;
- создание методической основы для развития компетенций в области регулирования цифровой экономики.

Признавая важность указанных направлений, отметим, что этих мер явно недостаточно: они имеют догоняющий характер и направлены на совершенствование правового регулирования принципиально новых отношений старыми методами.

В Программе говорится о комплексном законодательном регулировании, но при этом не учитывается изменяющаяся роль закона, который в условиях цифрового общества оказывается неэффективным регулятором. Фактически подтверждается правота ученых, которые указывают, что для российской правовой практики характерно использование традиционных инструментов (нормативных

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты приводятся по СПС «Консультант-Плюс». Дата обращения 9 января, 2019. <http://www.consultant.ru>.

правовых актов, законов), в то время как существует потребность в расширении арсенала используемых средств (Хабриева 2018, 8).

Также Программа затрагивает вопрос стимулирования экономической деятельности в цифровой среде, но такое стимулирование требует изменение подхода к соотношению императивного и диспозитивного методов регулирования, создания условий для активизации механизмов саморегулирования, в том числе тех, которые сегодня выходят за рамки действующего законодательства.

В разделе Программы, который посвящен управлению цифровой экономикой, не сказано о привлечении широкого круга субъектов к управленческой и правотворческой деятельности с помощью современных цифровых технологий. Говорится лишь о привлечении заинтересованных субъектов к экспертизе программ в сфере цифровой экономики. На наш взгляд, речь должна идти об изменении всей модели принятия правовых и управленческих решений, о чем уже говорилось выше.

Стремительное нарастание процессов цифровизации в скором времени потребует разработки и принятия новой программы. В ней с опорой на новейшие исследования ученых будет отражено опережающее воздействие права и государства на общественные отношения, дан прогноз дальнейшего развития этих отношений, а также сформированы контуры новой модели национального правопорядка, отвечающей цифровому вызову.

В перспективе процессы цифровизации полностью изменят национальную модель правопорядка, приведут к коренному обновлению всей системы осуществления государственной власти и правового регулирования общественных отношений.

Прежде всего государственная власть в цифровом обществе получит новые формы, которые, с одной стороны, не будут связаны с традиционной триадой ветвей власти, а с другой — смогут опираться на новую, электронную демократию. Власть нового типа станет многосубъектной, практически все члены общества, обладающие доступом к цифровым технологиям, получают возможность в режиме реального времени участвовать как в принятии управленческих государственных решений, так и в правотворческой деятельности. Уже сегодня благодаря информационным технологиям процесс общественного обсуждения законопроектов обрел новую форму, переместившись в виртуальное пространство. Можно ожидать появления новой технологии создания текста закона, при которой с помощью искусственного интеллекта будут аккумулироваться поступающие мнения и предложения широкого круга заинтересованных членов общества. Результатом станет создание текста, в максимальной степени отвечающего интересам широких слоев общества. Такая модель правотворчества окажет влияние и на правоприменение, так как граждане будут более охотно исполнять нормы правовых актов, отвечающие их запросам и интересам. Итогом станет преодоление правового нигилизма, который в современных условиях негативно влияет на правоприменительную практику и на количество совершаемых правонарушений.

Изменение модели правотворчества будет связано с тем, что большая часть общества окажется вовлеченной в этот процесс, в связи с чем утратит значение современное понятие обнародования законов. Соответственно, изменится юридическая техника, утратит прежнее значение принцип непротиворечивости правовых

актов, возрастет значение эффективности реализации норм права. Фактически уйдет в прошлое разделение законодателя и адресата правовых норм.

Представляется перспективным прогноз о формировании индивидуального правопорядка: субъект сможет сам частично определять свой правовой статус, принимать на себя определенные обязательства по соблюдению регулирующих норм как в виртуальном пространстве, так и вне его, прежде всего в экономических отношениях частноправового характера.

Конвергенция частного и публичного права, которую мы наблюдаем уже сегодня (Коршунов 2015, 7), усилится вплоть до полного стирания различий между ними.

В силу процессов унификации, которые ускоряются в условиях применения цифровых технологий, национальный правопорядок может потерять значительную часть своеобразия, его отличия от иных правопорядков минимизируются, но в какой-то степени сохранятся из-за различий в национальном менталитете.

Одна из важных характеристик российского национального правопорядка состоит в том, что наряду с правовыми регуляторами важную роль здесь играют и регуляторы неправовые, связанные с моралью, религией и т. д. Эти регуляторы также подвержены определенной изменчивости. Однако полагаем, что и в будущем тесная взаимосвязь права и морали в отечественной правовой системе сохранится. О данной связи не раз говорили российские ученые (Романец 2012, 10), выражавшие уверенность в том, что именно мораль составляет основу ценностного содержания права (Мальцев 2009, 15). В условиях цифровизации национальный правопорядок России, несмотря на мировую тенденцию к унификации ценностного содержания права, может сохранить моральную составляющую как одну из важных особенностей.

3. Выводы. Под влиянием цифровизации национальный правопорядок России претерпевает серьезные изменения. К наиболее значимым из них отнесем следующие:

- 1) расширяется сфера действия права, которое все больше участвует в регулировании отношений, складывающихся в виртуальном пространстве;
- 2) ожидается появление новой формы нормативного правового акта, в том числе закона; такой формой может стать цифровой закон с изменяющимся содержанием, выступающий гибким регулятором общественных отношений и приспособляющийся к меняющимся интересам участников этих отношений;
- 3) процессуальное право займет доминирующее положение по отношению к праву материальному;
- 4) из-за возрастания диспозитивности правового регулирования прекратится доминирование публичного права над частным, характерное для современного российского правопорядка;
- 5) появятся новые, альтернативные праву регуляторы общественных отношений, складывающихся в виртуальном пространстве;
- 6) наряду с национальным правопорядком большое значение получит индивидуальный правопорядок, в рамках которого субъект сможет самостоятельно устанавливать свой правовой статус в некоторых сферах общественных отношений.

Библиография

- Алексеев, Сергей С. 1985. *Теория государства и права*. М.: Юридическая литература.
- Бегичев, Александр В. 2018. «Обеспечение доказательств нотариусами в электронной среде». *Нотариальный вестник* 9: 4–12.
- Борисов, Виталий В. 1977. *Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории*. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Дорская, Александра А. 2018. «Историко-правовой компонент в конструировании социокультурного пространства (на примере понятия социальной травмы)». *Вестник Московского городского педагогического университета* 3(31): 36–43.
- Иванов, Алексей Ю., Максим Л. Башкатов, Екатерина В. Галкова, Георгий С. Тюляев, Александр С. Пивненко. 2017. *Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности*. М.: Издательство НИУ «Высшая школа экономики».
- Ильина, Татьяна Н., Александра А. Дорская, Андрей Ю. Дорский. 2018. «Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 467–483.
- Коршунов, Николай М. 2015. *Конвергенция частного и публичного права. Проблемы теории и практики*. М.: Норма.
- Мальцев, Геннадий В. 2009. *Нравственные основания права*. М.: Издательство Современной гуманитарной академии.
- Миронов, Владимир В. 2017. «Трансформация культур — от классической к электронной». *Философия искусственного интеллекта. Труды всероссийской междисциплинарной конференции*. М.: ИИнтелл.
- Романец, Юрий В. 2012. *Этические основы права и правоприменения*. М.: Зерцало.
- Сауляк, Олег П. 2009. *Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам*. М.: Юрлитинформ.
- Степин, Вячеслав С. 2003. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хабриева, Талия Я. 2018. «Право перед вызовами цифровой реальности». *Журнал российского права* 9: 5–16.
- Хабриева, Талия Я., Николай Н. Черногор. 2018. «Право в условиях цифровой реальности». *Журнал российского права* 1: 85–102.
- Честнов, Илья Л. 2012. *Постклассическая теория права*. СПб.: Алеф-пресс.
- Честнов, Илья Л. 2009. «Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права». *Актуальные проблемы права в современной России: сб. науч. ст. Вып. 10*. Под ред. Д. А. Пашенцева. М.: АПКППРО.
- Black, Donald. 1983. "Crime as social control". *American Sociological Review* 48.1: 34–45.
- Howes, David. 2001. "e-Legislation: Law-Making in the Digital Age". *McGill Law Journal* 47: 39–57.
- Hulsman, Louk. 1986. "Critical criminology and the concept of crime". *Contemporary Crisis* 10: 63–80.
- Reed, Chris. 2012. *Making Laws for Cyberspace*. Oxford: Oxford Press.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2018 г.;
рекомендована в печать 15 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Залоило Максим Викторович — канд. юрид. наук; z-lo@mail.ru

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — д-р юрид. наук, проф.; dp-70@mail.ru

National law and order of Russia in the conditions of digitalization

M. V. Zaloilo, D. A. Pashentsev

Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation,
34, B. Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russian Federation

For citation: Zaloilo, Maksim V., Pashentsev, Dmitrii A. 2019. “National law and order of Russia in the conditions of digitalization”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>

The article analyzes the impact of digitalization on Russia’s national legal order. Among the main directions of such influence are the expansion of the boundaries of legal regulation at the expense of virtual space, the demand for more flexibility than in existing legal forms and regulatory mechanisms, and the increasing role of the information function of law. The article emphasizes the constructed nature of the rule of law, which refers to the constant activity of subjects of law on the implementation of legal norms. These actions must be carried out continuously, and they are volatile, which is why the rule of law is a constantly changing entity, as its parameters are constantly changing. In this regard, it is important to study the impact of digitalization on the mentality and legal consciousness of the subject of law. Digital reality changes the mentality of the subject of law, its sense of justice, and, consequently, the nature of activities for implementing legal norms. Mass behavior of legal subjects on the implementation of legal norms in the conditions of digital reality is significantly different from the behavior of subjects of law in other conditions. Due to the impact of digitalization, the legal order is partially transferred to virtual space, which complicates the state’s control over legal communications. In these circumstances, conventional legal regulators may not be sufficient to maintain it. Under the influence of digitalization in Russia’s national legal order, the typical domination of public law over private law will be lost, and the ratio and role of procedural and substantive law will change. The conclusion addresses on possible occurrences of such a phenomenon as individual law and order.

Keywords: law and order; digitalization; digital technologies; legal regulation; subject of law; digital law.

References

- Alekseev, Sergei S. 1985. *Teoriia gosudarstva i prava [Theory of State and Law]*. Moscow, Law literature Publ. (In Russian)
- Begichev, Aleksandr V. 2018. “Obespechenie dokazatel’stv notariusami v elektronnoi srede” [“Providing evidence to notaries in an electronic environment”]. *Notarial’nyi vestnik [The notarial vestnik]* 9: 4–12. (In Russian)
- Black, Donald. 1983. “Crime as social control”. *American Sociological Review* 48.1: 34–45.
- Borisov, Vitalii V. 1977. *Pravovoi poriadok razvitogo sotsializma. Voprosy teorii [The legal order of developed socialism. Theory questions]*. Saratov, Saratov University Press. (In Russian)
- Chestnov, Il’ia L. 2009. “Chelovecheskoe izmerenie pravovoi real’nosti: na puti k formirovaniu personotsentristskoi teorii prava” [“The human dimension of legal reality: on the way to the formation of a person-centrist theory of law”]. *Aktual’nye problemy prava v sovremennoi Rossii. Sbornik nauchnykh statei [Actual problems of law in modern Russia. A collection of scholarly articles]*. Vol. 10. Ed. by D. A. Pashentsev. Moscow, APKiPPRO Publ. (In Russian)
- Chestnov, Il’ia L. 2012. *Postklassicheskaia teoriia prava [Postclassical theory of law]*. St. Petersburg: Alefpress. (In Russian)
- Dorskaia, Aleksandra A. 2018. “Istoriko-pravovoi komponent v konstruirovanii sotsiokul’turnogo prostanstva (na primere poniatiia sotsial’noi travmy)” [“Historical and legal component in the construction of socio-cultural space (for example, the concept of social trauma)”]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Vestnik of Moscow Pedagogical University]* 3: 36–43 (In Russian)
- Howes, David. 2001. “e-Legislation: Law-Making in the Digital Age”. *McGill Law Journal* 47: 39–57.
- Hulsman, Louk. 1986. “Critical criminology and the concept of crime”. *Contemporary Crisis* 10: 63–80.
- Il’ina, Tat’iana N., Aleksandra A. Dorskaia, Andrei Iu. Dorskii. 2018. “Vzaimodeistvie Rossiiskogo gosudarstva i obshchestva v pravovoi sfere: istoriko-pravovoi analiz” [“The Russian state and society

- interaction in the legal sphere: Historical and legal analysis”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law] 4: 467–483. (In Russian)
- Ivanov, Aleksei Iu., Maksim L. Bashkatov, Ekaterina V. Galkova, Georgii S. Tiuliaev, Aleksandr S. Pivnenko. 2017. *Blokchein na pike khaipa: pravovye riski i vozmozhnosti* [Blockchain on the peak of HYIP: legal risks and opportunities]. Moscow, NIU Press. (In Russian)
- Khabrieva, Taliia Ia. 2018. “Pravo pered vyzovami tsifrovoi real’nosti” [“Right before the challenges of digital reality”]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law] 9: 5–16. (In Russian)
- Khabrieva, Taliia Ia., Nikolai N. Chernogor. 2018. “Pravo v usloviakh tsifrovoi real’nosti” [“Right in the digital reality”]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law] 1: 85–102. (In Russian)
- Korshunov, Nikolai M. 2015. *Konvergentsiia chastnogo i publichnogo prava. Problemy teorii i praktiki*. [Convergence of private and public law. Problems of theory and practice]. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Mal’tsev, Gennadii V. 2009. *Nravstvennye osnovaniia prava* [Moral foundations of law]. Moscow, The Modern University for the Humanities Press. (In Russian)
- Mironov, Vladimir V. 2017. “Transformatsiia kul’tur — ot klassicheskoi k elektronnoi. Filosofii iskusstvennogo intellekta” [“Transformation of cultures — from classical to electronic. Philosophy of Artificial Intelligence”]. *Trudy vs Rossiiskoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii* [Proceedings of Russian Multidisciplinary Conference]. Moscow, Intel Publ. (In Russian)
- Reed, Chris. 2012. *Making Laws for Cyberspace*. Oxford, Oxford Press.
- Romanets, Iurii V. 2012. *Eticheskie osnovy prava i pravoprimeniia* [Ethical foundations of law and law enforcement]. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Sauliak, Oleg P. 2009. *Zakonnost’ i pravoporiadok: na puti k novym paradigmam* [Law and order: on the way to new paradigms]. Moscow, Jurlitinform Publ. (In Russian)
- Stepin, Viacheslav S. 2003. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Tradition Publ. (In Russian)

Received: November 10, 2018

Accepted: February 15, 2019

Author’s information:

Maksim V. Zaloilo — PhD; z-lo@mail.ru

Dmitrii A. Pashentsev — Dr. Sci. in law; professor dp-70@mail.ru